
Зарубежная литература

УДК 821.133.1 *Дюма*

ПАХСАРЬЯН Н.Т.¹ ОН ЛУЧШЕ, ЧЕМ ЕГО РЕПУТАЦИЯ: ИСТОРИЯ В МЕМУАРАХ А. ДЮМА.

DOI: 10.31249/lit/2022.04.08

Аннотация. Устоявшееся представление о том, что в сочинениях А. Дюма стремление к увлекательности преобладает над исторической убедительностью и используется в ущерб достоверности, неверно. Это особенно очевидно при анализе «Моих мемуаров» А. Дюма. Воспоминания писателя не только включают в себя документы, описывают реальные события детства, юности автора, но и создают достоверную картину социально-политической, литературной жизни Франции первой трети XIX в.

Ключевые слова: история; мемуары; достоверность; документальность; воображение.

Для цитирования: Пахсарьян Н.Т. Он лучше, чем его репутация : история в мемуарах А. Дюма // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2022. – № 4. – С. 121–136. DOI: 10.31249/lit/2022.04.08

PAKHSARIAN N.T. He is better than his reputation: history in the memoirs of Alexandre Dumas.

Abstract. It is an established opinion, that a desire to make a story exciting prevails over historical credibility in Alexandre Dumas' works, which is not really true. The fallacy of this opinion becomes especially clear, when analyzing *My Memoirs* by Dumas. His memoirs

¹ **Пахсарьян Наталья Тиграновна** – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН.

not only include historical documents, describe real events of the writer's childhood and youth, but also create a reliable picture of the socio-political and literary life in France in the first third of the nineteenth century.

Keywords: history; memoirs; authenticity; Alexandre Dumas; documentary; imagination.

To cite this article: Pakhsarian, Natalia T. "He is better than his reputation: history in the memoirs of Alexandre Dumas", Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 4, 2022, pp. 121–136. DOI: 10.31249/lit/2022.04.08 (In Russian)

Литературная судьба Александра Дюма довольно причудлива: он – один из наиболее популярных писателей во всем мире, быть может, самый популярный, и Андре Моруа был прав, когда утверждал, что современный Робинзон, попав на необитаемый остров, непременно читает роман «Три мушкетера» [13, с. 160]; и он же – один из наименее исследованных писателей и в историко-литературном, и тем более в теоретико-филологическом аспектах. Не то чтобы отношение филологов к Дюма не менялось на протяжении двух столетий, однако даже то, что по случаю 200-летия со дня рождения его прах был перенесен в Пантеон, было воспринято некоторыми из них как дань общественной позиции Дюма, а не признание его литературных заслуг.

Знаменитый французский писатель, автор более 500 томов произведений самых разных жанров – романов, драм, журнальных статей, путевых заметок, сказок, повестей, мемуаров, – известен прежде всего своими романами, которые пользуются большой читательской любовью, однако рассматриваются обычно как преимущественно приключенческие, в которых история играет роль увлекательного, но недостоверного фона. Кроме того, еще при жизни писателя его упрекали в том, что он использует «литературных негров», пишет не самостоятельно, что в его романах многое принадлежит его соавторам. О «фабрике романов», созданной автором «Королевы Марго», «Ожерелья королевы» и пр., выпустил памфлет Эжен де Мирекур – правда, обиженный тем, что Дюма не взял его в соавторы; на него подал в суд Огюст Маке, претендовавший на большую долю авторства в «Трех мушкетерах», – правда, этот суд он проиграл... Тем не менее и по сей день

критики то и дело повторяют, что Дюма – писатель не слишком значительный, чему в немалой степени способствует сама его неугасающая слава и любовь широкого круга читателей.

Самая известная цитата из Дюма: «История – это гвоздь, на который я вешаю свои картины (в другом варианте – романы)» – на самом деле нигде не фигурирует в его текстах и, возможно, эта фраза никогда не была им произнесена. Во всяком случае никто из специалистов не смог найти ее источника. В то же время снисходительное отношение к сочинениям романиста, помещение их в разряд развлекательной литературы второго сорта было характерно не только для России, но и для других европейских стран, и до самого последнего времени – для самой родины писателя – Франции¹. В значительной степени такое положение дел сохранялось потому, что способ публикации романов Дюма был не в чести у критиков XIX в., а отторжение позитивистской наукой романтических форм историзма усилило это положение.

К тому же критики утрировали степень участия в создании романов Дюма так называемых литературных негров. Потому-то и кажется важным познакомиться с тем текстом, который писал сам Дюма, и который не претендует на то, чтобы пополнить ряды фикциональной литературы, оставаясь, как сказали бы сейчас, нон-фикшн. Но прежде приведу оценку историка Жана Тюлара: «Дюма – прежде всего автор исторических романов, которые пробудили призвание у огромного количества профессиональных историков. Свобода, с которой он обращался с музой истории Клио, явно преувеличена» [20, р. 18]. Тем более внимателен Дюма к исторической достоверности в своей книге воспоминаний.

22 тома «Мои мемуары» были напечатаны с 1852 по 1854 г., и еще 8 томов вышли в 1854–1855 гг. Одновременно Дюма начинает публикацию «Мемуаров» в ноябре 1853 г. в своей газете «Мушкетер». Эта публикация продлилась до мая 1855 г., хотя оставалась нерегулярной и отчасти беспорядочной. Полный текст

¹ Хотя еще в 1995 г. Шарль Гривель замечал, что «Дюма концентрирует больше, чем какой-либо другой автор <популярного романа. – Н. П.> пренебрежительные или презрительные взгляды всех групп комментаторов» [цит. по: 3], в монографии 2008 г. он вновь констатирует: «даже после пантеонизации в конце 2002 г. отец “Трех мушкетеров” продолжает притягивать к себе нечто вроде общественного осуждения» [4, р. 20].

воспоминаний публикуется также в Брюсселе с 1852 по 1856 г. При этом Дюма обратился к созданию «Мемуаров» еще в 1847 г. И по свидетельству специалистов, работал над текстом практически без перерывов восемь лет – дольше, чем над любым из своих романов.

«Мои мемуары» охватывают 30 первых лет жизни писателя: он родился в 1802 г. (т.е. он ровесник В. Гюго), его книга завершается 1833 г. В ней много сказано о молодых годах А. Дюма: его детстве, вступлении в мир литературы, первых пробах пера – в театре, в период «битвы за романтизм», о друзьях-поэтах, романистах, драматургах, и не только об этом. Причем Дюма гораздо меньше, чем, например, Ж.-Ж. Руссо, сосредоточен на описании себя самого: он выступает как летописец времени, истории – и своей семьи, и своей страны, углубляясь в историю своего рода. Воссоздавая события, Дюма старается опираться не только на свою память и впечатления, но и на историографические источники. Ведь ему не было еще и четырех лет, когда умер его отец. Первые страницы мемуаров Дюма посвящает уточнению обстоятельств собственного рождения. Ему было важно доказать законность своего появления на свет, и этому помогли архивные документы [см.: 7, т. 1, р. 5–6]. Но главной целью было не воссоздание своей биографии. Сам Дюма так писал в «Мемуарах»:

«Думаете ли вы, те, кто читает эту книгу сейчас, что, начиная ее, я имел в виду эгоистическую цель: без конца повторять “я”? Нет, я представлял ее как огромную раму, в которую хотел включить всех вас, братья и сестры по искусству, отцы или дети века, великие умы, очаровательные создания, чьих рук, щек, губ я касался; вас, кто любил меня и кого любил я; вас, кто составлял или составляет сегодня славу нашей эпохи; вы, кто остались мне неизвестными, и, наконец, вы, кто меня ненавидели! “Мемуары Александра Дюма!” Да ведь это было бы смешно! Кем я был сам по себе, я, отдельная личность, затерянный атом, песчинка, носимая по свету всеми вихрями? Ничем! Но вместе со всеми вами, сжимая в левой руке правую руку художника, в правой руке – левую руку принца, я становлюсь звеном золотой цепи, соединяющей прошлое с будущим. Нет, я пишу не свои мемуары; это воспоминания обо всех, кого я знал, а поскольку я знал все, что было

великого, достославного во Франции, то я пишу воспоминания Франции» [7, t. 1, p. 1113].

Можно признать правоту Д. Дезормо, полагающего, что воспоминания Дюма – это «создание истории в процессе письма об истории» [5, p. 149], но вряд ли следует согласиться с тем, что литературовед, считая возможным существование некоего жанрового канона мемуаров, относит сочинение Дюма к мемуарам «не первого ряда» [5, p. 148], поскольку автор занимает слишком индивидуалистическую позицию, не свойственную историографии [5, p. 152]. Любые воспоминания несут отпечаток индивидуальности сочинителя, их ценность – не в передаче официальной концепции исторических событий, а в особом, пусть даже субъективном взгляде на них.

В общем виде «Мемуары» представляют собой коллаж из собственных текстов Дюма, написанных ранее, и из различных документальных и мемуарных источников, объединенных памятью и воображением. Он не был свидетелем Революции, знал о ней через посредство рассказов своего отца (имя которого, между прочим, – Тома-Александр Дави де ла Пайетри – выбито на Триумфальной арке в Париже), черпал сведения из отцовской переписки с членами Конвента, Наполеоном, военными министрами, армейских рапортов, а также из рассказов матери, друзей его родителей. Дюма, с одной стороны, никак не отступает от принципов романтического историзма, придающего первостепенное значение воссозданию общей атмосферы той или иной эпохи, обращающегося не столько к сухим официальным документам, сколько к мемуарам, легендам, историческим анекдотам («В истории я люблю только анекдоты», – говорил Проспер Мериме в предисловии к роману «Хроника царствования Карла IX» [12, с. 15]). С другой стороны, Дюма обращается и к документальным свидетельствам, что видно уже по тому, как он доказывает законность своего рождения.

По существу, с самого начала «Мемуаров» Дюма создает не только свой собственный портрет, но и портрет своего отца. Как указывает американский историк и журналист Том Райс, обладатель Пулитцеровской премии, добрых двести страниц в начале своих воспоминаний Дюма посвящает генералу Тома-Александру Дави Дюма, «мулату, родившемуся в колонии и оказавшемуся во

время Революции во главе армии в 50 тысяч человек» [14, р. 13]. Чтобы воссоздать образ отца, «Дюма использовал как воспоминания о нем матери и друзей, так и официальные документы и письма, собранные вдовой генерала» [14, р. 13]. Т. Райс не скрывает, что в рассказе Дюма есть и лакуны, и умолчания, есть и восстановленные воображением диалоги и сцены, но полагает, что рассказ сына об отце – безусловно, очень искренний и во многом точный, потому-то эти страницы мемуаров и стали в свою очередь источником написания биографии генерала для самого Райса.

Начав с собственного рождения и перейдя затем к истории отца, Дюма идет еще дальше в своей ретроспекции – пишет об истории деда. Вообще, он свободно углубляется в прошлое, его обращение к истории собственного рода попутно оказывается и экскурсом в эпоху Людовика XIV. Собственная биография предстает канвой не только для обрисовки тех исторических событий, свидетелем которых Дюма являлся, но и для демонстрации того, насколько живо далекое прошлое для человека, открытого как истории, так и современности.

Рисуя события Революции, Дюма справляется с «Мемуарами, относящимися к французской Революции» Бервиля и Барьера, обращается к «Воспоминаниям о Революции и империи» Шарля Нодье, к «Истории жирондистов» Альфонса де Ламартина, к «Мемориалу Святой Елены», который и ранее неоднократно внимательно читал, участвуя в редакции «Рассказов о пленении императора Наполеона на остров Святой Елены» Монтолона. И, безусловно, Дюма многократно обращался к «Истории Французской революции» Жюль Мишле, знаменитого романтического историка. Изабелла Сафа называет Мишле «гарантом историзма Дюма» [15]. Конечно, если вспомнить отзыв И. Тэна – известного позитивиста – «Мишле – не историк, а поэт, его история – это лирическая эпопея Франции» [17, р. 176], то может показаться, что обращение Дюма к Мишле – это слабое подкрепление для признания исторической верности мемуаров. Однако сегодня мы понимаем как достоинства позитивистской науки, так и ее недостатки. Сухие, голые факты, отказ от любой их интерпретации, сугубый объективизм, отстраненность мало способствуют пониманию исторических процессов. К тому же стоит вспомнить, что Мишле был первым, кто, создавая историю Франции, обращался к архивным документам и приводил

их в своей книге, превратив ее в бесценный источник документальных фактов, ценимых в том числе и позитивистами.

Мишле – романтический историк – восхищался писателем, что ясно выражено в его письме, которое приводит биограф Дюма Клод Шопп: «Я долго испытывал потребность написать вам, выразить то удивление, которое вызвал во мне ваш неисчерпаемый гений, мощный поток вашего воображения. Вы – больше, чем писатель. Вы одна из сил Природы, и я испытываю к вам столь же глубокую симпатию, какую испытываю к ней самой» [18, р. 141]. А Дюма-романист неоднократно пояснял свой подход к изображению истории. Так, в предисловии к роману «Графиня Солсбери» (1836) он писал: «Изучив одну за другой хроники, историю и исторический роман, придя к выводу, что хроника может рассматриваться лишь как источник, из которого следует черпать, мы надеялись найти место между людьми, совершенно лишенными воображения, и людьми, чрезмерно им наделенными; мы убеждены, что даты и хронологические факты не вызывали интереса лишь из-за отсутствия какой-либо жизненной нити, связывающей их друг с другом, и что труп истории казался нам таким отвратительным и отталкивающим лишь поскольку те, кто его препарировали, начали с лишения его плоти, придающей сходство, мышц, необходимых для движения, и наконец – органов, необходимых для жизни» [6, р. 14–15].

Скрупулезный анализ текста «Мемуаров» выявляет использование в них более ранних текстов самого Дюма: фрагментов из очерка «Наполеон», заметки «Как я стал драматургом», зарисовки «Бернар, охотничьи истории», из «Завещания господина Шовелена», из «Рапорта генералу Лафайету», статей «Вандея после 29 июля» и «Мои злключения в национальной гвардии», из «Дорожных впечатлений» и т.п. Дюма не просто вставляет эти фрагменты в свой текст, он их переписывает, придает им более логический и целостный вид, т.е., стремится убедить читателей в достоверности своего повествования.

И этой глубинной достоверности не препятствует художественность, вольно или невольно проявляющаяся в тексте «Мемуаров». Жизнь отца писателя напоминает биографам историю графа Монте-Кристо из одноименного романа, его портрет вызывает в памяти фигуру мушкетера Портоса, а жизнь самого Дюма – исто-

рию д'Артаньяна из «Трех мушкетеров»¹. История и вымысел тесно переплетены как в мемуарах, так и в романах Дюма. Ведь многие детали сюжета, жизни главных персонажей романа «Три мушкетера», как и его продолжений – «Двадцать лет спустя», «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя» – А. Дюма почерпнул из исторических и легендарных источников.

Прежде всего, это книга Гасьена де Куртиля де Сандра «Мемуары господина д'Артаньяна, капитана-лейтенанта мушкетеров короля» (1700), автор которой, стилизуя собственное повествование под воспоминания самого героя, описывает тем не менее историческое лицо – реально существовавшего Шарля де Батт д'Артаньяна, родившегося в 1618 г., служившего в королевской гвардии с 1635 г., а в 1644 г. принятого в роту мушкетеров. Д'Артаньян действительно выполнял некоторые важные поручения Людовика XIV (например, арестовывал опального министра Фуке), был впоследствии назначен губернатором Лилля и погиб при осаде голландского города Маастрихта в 1673 г. В той же книге Куртиля де Сандра фигурировали и другие реальные прототипы героев Дюма: Атос д'Отвиль, Исаак де Порто и Анри д'Арамис, беарнские дворяне. Кроме того, Дюма внимательно читал мемуары кардинала де Ретца и герцога Сен-Симона – известных политических деятелей XVII в., а также исторический труд Вольтера «Век Людовика XIV», знатока той эпохи и сторонника легенды о Железной маске, использованной Дюма.

Дюма любил свою трилогию. Не случайно, когда он увлекся журналистикой, одну из своих газет он назвал «Мушкетером». Надо сказать, что публикация «Мемуаров» в этой газете была отчасти политическим актом: ведь осторожный Эмиль де Жирарден, основатель дешевой периодической печати и создатель традиции публиковать романы частями в газетах и журналах, поостерегся взять в свою газету «Конститусьонель» текст Дюма, понимая, что этот республиканец, оппозиционно настроенный по отношению к режиму Наполеона III, может быть источником неприятностей для издателя со стороны властей.

¹ «Осознанно или нет, но Дюма в “Мемуарах” подхватывает рамку “Трех мушкетеров”, опубликованных восемью годами ранее», – утверждает К. Шопп [19, р. XX].

Активно сочиняя романы, исторические очерки, газетные статьи, пьесы, новеллы, сказки для детей, много путешествуя, Дюма с не меньшей энергией занимается и политикой. Он принимает участие в революции 1848 г. После безуспешной попытки стать депутатом Национального собрания и переворота Луи-Наполеона Бонапарта в декабре 1851 г. Дюма уезжает в Бельгию, впрочем, спасаясь не только от политических преследований, но и от кредиторов. И там начинает работу над «Моими мемуарами» (1851–1856).

Конечно, мемуарной прозе Дюма присуща большая строгость и подчиненность документальным свидетельствам, чем романам – достаточно сравнить рассказы о революционных и после-революционных годах в его воспоминаниях (где прежде всего описана судьба отца и те события, с которыми он был связан) с циклом его же романов о Революции и Империи («Жозеф Бальзамо», «Ожерелье королевы», «Анж Питу», «Графиня де Шарни», «Соратники Иегу», «Белые и Голубые» и др.), чтобы увидеть это различие. И все же их сближает общий романтический историзм: факты обрастают необходимой для оживления повествования плотью мощного воображения, писатель стремится верно почувствовать дух эпохи – и передать это чувство читателю. Один из крупнейших сегодня специалистов по творчеству Дюма, Клод Шопп справедливо пишет: «Дюма создает романы, чтобы соперничать с историей и постичь ее смысл через художественный вымысел. Воображаемое у него – акушер правды» [19, р. XXII].

Надо сказать, что «Мемуары» выступают не только историческим и политическим свидетельством времени, но и становятся, по словам того же К. Шоппа, «литературным архивом XIX столетия» [19, р. XXIX]. В самом деле, Дюма обильно цитирует многих современников-литераторов (Беранже, Гюго, Казимира Делавина и др.) – как тех, кто близок ему, так и недругов. И здесь важную роль играет обращение Дюма к описанию своей собственной жизни и судьбы, тесно связанной с художественной жизнью Франции его времени: мы узнаем эпизоды «битвы за романтизм» в театре, историю создания и постановок пьес драматурга. Он не чужд выяснению отношений со своими литературными братьями, доказывая свою правоту [см., напр.: 7, t. 1, p. 1099–1106]. Д. Дезормо справедливо замечает: «Использовать свои мемуары как модель

реабилитации или мести – в самой природе этого жанра. Дюма на самом деле не первый и не последний писатель своего поколения, который верил в возможность превращения своей книги воспоминаний в символическое вложение в будущее» [5, р. 16].

Александра Дюма отличало особое отношение к своему образованию. Он никогда не воображал себя мудрецом или пророком (в отличие от Виктора Гюго, например), скептически оценивал свою эрудицию, чем, надо сказать, немало способствовал тому пренебрежительному отношению к его историческим знаниям, которое долго определяло его репутацию. Как признавался он в воспоминаниях, учился он мало, не слишком регулярно и усердно, так что до 1815 г. «не знал ничего». Тем не менее, не любя ни древние языки, ни математику, он увлеченно читал Библию, древнегреческие мифы, «Естественную историю» Бюффона, «Робинзон Крузо» и сказки «1001 ночи»¹.

Приобщение к поэзии началось у молодого Дюма с Ламартина, а в начале 1820-х годов он посещает кружок Ш. Нодье и активно осваивает сочинения авторов-романтиков и их кумиров – В. Гюго, Д.Г. Байрона, В. Скотта, Ф. Купера, У. Шекспира, Ф. Шиллера, И.В. Гёте. При этом следует подчеркнуть и пробудившуюся любовь писателя к иностранным языкам: так, А. Дюма выучил английский язык настолько, что перевел роман В. Скотта «Айвенго»², изучал немецкий, чтобы читать в подлиннике Шиллера и Гёте, а затем успешно переводил с немецкого.

Придавая и в дальнейшем большое значение знанию языков, Дюма-отец в декабре 1840 г. писал из Флоренции сыну, советуя тому изучать латынь – чтобы читать Вергилия и Горация, греческий – чтобы узнать в подлиннике Гомера, Софокла и Еврипида, немецкий, английский и итальянский, чтобы познакомиться с

¹ См. подробнее: [2, р. 17–20].

² А.-Р. Эрмете и Ф. Вайнман, правда, считают, что на самом деле этот роман перевела Мари де Фернан (псевдоним – Виктор Персеваль), которая была возлюбленной писателя в ту пору [10, р. 594], однако, во-первых, в предисловии к «Айвенго» А. Дюма объясняет некоторые особенности своего восприятия В. Скотта и говорит о том, что этот перевод был для него своего рода «упражнением в стиле» [10, р. 774], а во-вторых, никто не оспаривает большую долю его участия в переводе «Гамлета» Шекспира (1847), например, хотя он и был сделан в соавторстве [10, р. 467–477].

Шекспиром, Шиллером и Данте [8]. Его собственное знание итальянского также было весьма глубоким, и это своеобразно проявилось в 1860 г., когда, путешествуя по Италии, Дюма опубликовал в газете «Индипенденте» (*L'Indipendente*) новеллу на итальянском языке под названием «Убийство на улице Святого Роха» – переработку рассказа Э. По «Убийство на улице Морг». Но еще ранее, в середине 1830-х годов, Дюма замыслил перевести «Божественную комедию» Данте. Правда, перевод всего произведения Данте Дюма полностью так и не осуществил, но все же перевел первую песнь «Ада», сопроводив ее основательным историко-политическим очерком о Данте и Флоренции его времени. Так что можно с уверенностью сказать, что эрудиция писателя была гораздо глубже, чем его собственные суждения и позднейшие представления читателей и критиков о ней.

Конечно, у матери не было средств, чтобы дать сыну, что называется, престижное образование, однако он с детства любил читать. С 1811 по 1813 г. он учился в коллеже аббата Грегуара в Вилле-Котре, а с 1816 г. начал работать в нотариальной конторе родного городка. Первые литературные опыты будущего писателя относятся к концу 1810-х годов, когда он завел знакомство с молодым виконтом Адольфом де Левеном, приобщившим его к романтической литературе. Отец Адольфа был близко знаком со знаменитостями того времени – писательницей Ж. де Сталь, актером Тальма, а сам молодой виконт был в курсе новых веяний в поэзии и театре.

Вместе со своим другом Александр начинает сочинять театральные пьесы. В 1823 г. Дюма приезжает в Париж, получает должность секретаря в канцелярии герцога Орлеанского (будущего короля Луи-Филиппа), однако с гораздо большей страстью предается сочинительству. В конце того же года в «Альманахе для юных девушек» появляется стихотворение Дюма «Беляночка и Розочка», а в 1825 г. выходит небольшой сборник «Современные новеллы» и осуществляется постановка первой пьесы, написанной в соавторстве с Левеном, – «Охота и любовь». Но настоящий успех еще впереди: он приходит к Дюма в конце 1820-х годов, когда он сближается с известными писателями-романтиками – В. Гюго, Ш. Нодье, А. де Виньи и др. и включается в «романтическую битву» за новую драматургию.

В Париже Дюма посещает выставки живописцев романтической школы – Э. Делакруа, О. де Верне; принимается за чтение самых важных для романтиков писателей – Шекспира, Шиллера, Гёте, Парни, Андре Шенье, Байрона, затем – Вальтера Скотта и Фенимора Купера. Что касается сочинений по истории Франции, то до поры до времени Дюма остается к ним равнодушен. Сохранилось свидетельство, по которому будущий исторический романист на предложение прочесть хроники Фруассара, Л’Этуаля, воспоминания кардинала де Ретца ответил: «Но ведь история Франции так скучна!» [7, т. 1, р. 589]. Пока его больше влекут к себе близкие исторические события, наполеоновская эпоха: он не расстается с «Мемориалом Святой Елены». Однако вслед за другими романтиками Дюма обращается к жанру исторической драмы: в 1828 г. сочиняет пьесу «Кристина», посвященную шведской королеве, правившей в XVII в., и отдает ее в театр Комеди Франсэз. Пьеса подвергается цензурным переделкам и, когда ее наконец поставят в 1830 г., не принесет автору большого успеха.

Тем не менее сложности с «Кристиной» не только не отпугнули писателя, но и стимулировали его интерес к «скучной» французской истории: в поисках нового сюжета он обратился к «Истории Франции» аббата Анкетиля, «Универсальной библиотеке» Мишо, «Дневнику» Л’Этуаля и уже в конце 1828 г. предложил Комеди Франсэз новую пьесу – «Генрих III и его двор». После премьеры пьесы в феврале следующего года 27-летний Дюма проснулся знаменитым. Одним из рецензентов пьесы был Стендаль, сравнивший «Генриха III» с «Ричардом II» Шекспира и назвавший постановку этой драмы самым важным литературным событием зимы 1829 года. С этого момента Дюма становится одним из мэтров романтической драматургии: посещает салон Ш. Нодье, где ведет увлеченные беседы с В. Гюго, А. де Виньи, А. де Мюссе, одновременно пишет новые романтические драмы – «Антони» (1830), «Ричард Дарлингтон» (1831), «Нельская башня» (1832). Последняя пьеса стала новым триумфом Дюма – исторического драматурга.

Однако в 1830 г. Дюма был увлечен не только литературным творчеством: он активно участвовал в событиях Июльской революции и, как и многие романтики, был разочарован ее результатом. В своих «Мемуарах» он писал: «Именно пламенная героиче-

ская молодежь из рабочих совершала революцию 1830 г., она зажгла восстание и пролила в нем много крови; именно этих людей отодвинули в сторону, когда дело было сделано...» [7, т. 2, р. 87]. Новое политическое разочарование принесло Дюма подавление республиканского восстания 1832 г.

Он покидает Париж и отправляется в путешествие как по самой Франции, так и по различным странам Европы: Швейцарии – 1832 г., Италии – 1835 г., Бельгии, Германии – 1838 г., Испании – 1846 г., посещает также Северную Африку. Свои впечатления он записывает, затем публикует в газетах: первый (1833) и последующие выпуски «Путевых заметок» (1839, 1841). Полюбив путешествия, Дюма продолжит совершать их вплоть до последних своих дней. Однако вторая половина 1830-х годов, как и дальнейшая жизнь Дюма, не вошла в его «Мемуары»¹, хотя писались они как раз в тот период, когда талант Дюма-романиста раскрылся в полную силу: для чего оказались необходимы определенные изменения в формах издания и распространения романной литературы, отвечающие новым читательским навыкам и потребностям.

В 1836 г. такие изменения произошли под воздействием реформы французской прессы: французский журналист и издатель Эмиль Жирарден решил издавать газеты гораздо более дешевыми и гораздо более массовыми тиражами. Для привлечения широкой читательской аудитории Жирарден, а вслед за ним другие издатели предлагают публиковать в их газетах романы частями («фельетонами»), с продолжением в последующих номерах. Первым из романов писателя так был опубликован «Капитан Поль» (1838). В 1840-е годы именно в жанре романа-фельетона Дюма создает свои признанные шедевры – «Три мушкетера» (1844), «Королеву Марго» (1845), «Графа Монте-Кристо» (1845–1846), «Госпожу де Монсоро» (1846), «Сорок пять» (1847–1848), «Жозефа Бальзамо» (1846–1849) и др. Притом что популярность этих романов была очень высока, критика довольно долго так или иначе старалась подчеркнуть в них прежде всего умело выстроенную приключенческую интригу, не слишком высоко оценив как стиль писателя,

¹ Сильвен Ледда полагает, что «Мемуары» «завершаются в момент апофеоза его <Дюма. – Н. П.> юношеской славы» [11, р. 290] и, возможно, писатель не слишком хотел их продолжать, вопреки своему обещанию.

так и его жанровые новации. Однако исследователи последних лет не без удивления обнаруживают тщательность работы писателя над стилем, осознанную работу над структурой произведений, серьезные размышления над творческим процессом. Его сочинения не случайно поставлены в один ряд с романами Достоевского и Вирджинии Вулф: по мысли П. Ситати, каждый из этих писателей создает образец определенной жанровой модификации романа [16]¹.

Итак, мы можем сказать, что Дюма отнюдь не грешил против основных фактов, а главное – сути, – истории и современности ни в своих романах, ни в путевых очерках, ни в «Мемуарах». Отказывая писателю в историзме, незаслуженно забывают и никогда не цитируют другие его слова: «...мы смеем думать, что научили Францию истории больше, чем какой-либо из историков» [9, р. 21]. Не следуя буквально только известным историческим фактам, но и пуская в ход мощное воображение, Дюма весьма тщательно изучал исторические документы, воспоминания, хроники, вдохновлялся историческими концепциями Вико и Мишле, осуществлял своего рода универсальный проект описания исторических событий от Античности до 60-х годов XIX в. (такова хронология сюжетов сочинений Дюма от «Цезаря» до «Прусского террора»).

«Мои мемуары» убедительно дополняют общую картину изображением современных автору событий его молодости, причем это произведение также пронизано романтическим историзмом. И если ученый-историк не может изучать эпоху по книгам Дюма, то он, безусловно, может помимо документов и хроник привлекать их как весьма интересные и в высшем смысле правдивые источники, а главное – вдохновляться этими книгами, способными помочь полюбить историю не как перечень царствований, битв, сражений и прочее, а как живое и красочное течение человеческой жизни. Дюма не мыслил историю отдельно от судеб ее рядовых участников, обычных людей – в том числе, и от своей собственной.

¹ Ученые также обратили внимание на интерес, который проявил к романам Дюма столь элитарный писатель, как М. Пруст [1].

Список литературы

1. Ангар Л., Фрэсс Л. Пруст и Александр Дюма : навстречу роману, который «не думает о себе».
Angard L., Fraisse L. Proust et Alexandre Dumas : à la rencontre du roman qui «ne se pense pas» // Revue d'études proustiennes. – 2017. – N 5(2017–1). – P. 173–188. – URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02182947>.
2. Бье К., Бригелли Ж.-П., Риспай Ж.-Л. Александр Дюма, или Приключения романиста.
Biet C., Brighelli J.-P., Rispail J.-L. Alexandre Dumas, ou, les aventures d'un romancier. – Paris : Gallimard, 1986. – 208 p.
3. Гривель Ш. Александр Дюма : плохо писать, хорошо писать.
Grivel Ch. Alexandre Dumas : mal écrire, bien écrire // Belphegor. Littératures populaires et culture médiatique [Revue électronique]. – 2008. – Vol. 16, N 1. – URL: <https://journals.openedition.org/belphegor/1374?lang=en>.
4. Гривель Ш. Александр Дюма, человек со 100 головами.
Grivel Ch. Alexandre Dumas, l'homme 100 têtes. – Villeneuve d'Ascq : Presses univ. de Septentrion, 2008. – 270 p.
5. Дезормо Д. Александр Дюма, фабрика бессмертия.
Desormeaux D. Alexandre Dumas, fabrique d'immortalité. – Paris : Classique Garnier, 2014. – 347 p.
6. Дюма А. Графиня Солсбери.
Dumas A. La Comtesse de Salisbury : en 2 tomes. – Paris : Dumont, 1839. – Т. 1. – 242 p. ; Т. 2. – 302 p.
7. Дюма А. Мои мемуары.
Dumas A. Mes Mémoires. – Paris : Robert Laffont, 1989. – Т. 1 : 1802–1830. – 1220 p. ; Т. 2. – 1175 p.
8. Дюма А. Письма к сыну.
Dumas A. Lettres à mon fils. – Paris : Le temps retrouvé, 2008. – 416 p.
9. Дюма А. Сопратники Иегу.
Dumas A. Les compagnons de Jéhu. – Paris : Phébus, 2006. – 660 p.
10. История переводов на французский язык. XIX век, 1815–1914.
Histoire des traductions en langue française. XIX siècle, 1815–1914 / sous la dir. de Chevreil Y., D'Hulst L., Lombez Chr. – Paris : Verdier, 2012. – 1369 p.
11. Ледда С. Александр Дюма.
Ledda S. Alexandre Dumas. – Paris : Gallimard, 2014. – 351 p.
12. Мериме П. Хроника царствования Карла IX // Мериме П. Собр. соч. : в 6 т. – Москва : Правда, 1963. – Т. 1. – 543 с.
13. Моруа А. Три Дюма. – Кишинев : Картя молдаვენяскэ, 1974. – 735 с.
14. Райс Т. Дюма, чернокожий граф.
Reiss T. Dumas, le comte noir. – Paris : Flammarion, 2013. – 574 p.

15. Сафа И. Мишле, гарант историзма Александра Дюма : превращение в роман «Истории Французской революции».
Safa I. Michelet, caution historienne d'Alexandre Dumas : enjeux de la mise en roman de l'Histoire de la Révolution française // Actualité de Michelet. L'Histoire de la Révolution française aujourd'hui. Journée d'étude, 12 novembre 2015 / Université Grenoble-Alpes. – 2015. – URL: <https://luhcie.univ-grenoble-alpes.fr/wp-content/uploads/2015/07/Flyer-Michelet.pdf>.
16. Сигати П. О романе : Дюма, Достоевский, Вулф.
Citati P. Sur le roman : Dumas, Dostoïevski, Woolf. – Paris : BNF, 2000. – 72 p.
17. Тэн И. Мишле.
Taine H. Michelet // Taine H. Essais de critique et d'histoire. – 2 e éd. – Paris : L. Hachette, 1866. – P. 175–233.
18. Шопп К. Историк и романист. О переписке между Дюма и Ж. Мишле.
Schopp C. Historien et romancier. Pour une correspondance entre Dumas et J. Michelet // L'Ull critic. – 1999. – N 4–5. – P. 137–154.
19. Шопп К. Предисловие.
Schopp C. Préface // Dumas A. Mes mémoires. – Paris : Robert Laffont, 1989. – T. 1 : 1802–1830. – P. V–XXXIII.
20. Тюллар Ж. Александр Дюма.
Tullard J. Alexandre Dumas. – Paris : PUF, 2008. – 128 p.